

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. НАГРИНКОГО, А. ВОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛЮДИНА, А. СЕДИНОВА, И. СКИВАНСКОГО, М. СУВОЛКОГО, М. СЕРЕБРЯКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ

№ 167 (483)

Пятница, 14 декабря 1934 года

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

Дневник Литературной газеты

14 ДЕКАБРЯ Первые дни выборов в совет по Москве и Ленинграду показали...

Четыре года, прошедшие с прошлых выборов, ознаменованы крупнейшими политическими и хозяйственными победами...

Сегодня мы печатаем выдержки из наказов новому составу Московского и Ленинградского советов...

Характерно, что московский завод «Красный пролетарий» первым пунктом добывания к наказу поставил...

И не только крупные предприятия Москвы и Ленинграда предъявляют счет своим советам...

Большая доля ответственности за выполнение этих наказов ложится на депутатов-писателей...

Писатели, артисты, художники, издатели — вся армия работников литературы и искусства...

С нынешнего учебного года на литературных факультетах московских педагогов введено преподавание литературы народов СССР...

ЗАРУБЕЖОМ

Книга Эдуарда Эррио

В Париже вышла в свет новая книга Эдуарда Эррио «Моя жизнь и ее друзья»...

Среди «бессмертных»

Американский ежемесячник «Литературный Уорлд» посвященный вопросам иностранной литературы...

нало вселенски приветствовать. Его большой смысл с точки зрения социалистической культуры...

Для того, чтобы полностью реализовать эту хорошую и большую идею, надо сейчас же предупредить об опасности, уже наметившейся...

Большое значение для успеха курса имеет наличие переводной литературы на русском языке...

Самое главное в этой работе — состав преподавателей. Надо обеспечить преподавание национальной литературы...

ЛЕНИНГРАД ВЫБИРАЕТ СОВЕТ НАШ ГОРОД

Н. ТИХОНОВ

В ярком свете прожекторов перекрещивались огни фонарей на подокружной площади Льва Толстого...

Бесшумные автомобили скользили по асфальту красивой улицы Красных Зорь...

Света тут не меньше, чем на хорошей парижской улице. Этот человек был 25 лет назад в Петербурге...

Город, отраженный в чудесной реке, казался сном, наумительным архитектурным и, несмотря на тяжесть материала, легким...

Велик наш город в дни своих торжеств, когда несметные массы пролетариев просят мимо трибуны приветствия своих любимых руководителей...

Особо велик город в своей печали. Только что провалялся мы в Москву прах громадного пролетарского трибуна...

Все умеет делать в этом умном городе, камни которого могут быть веками истории. Массы, насылающие его, научились сами управлять своим хозяйством...

СОБРАНИЕ СОВЕТСКОМ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). Сегодня в Ленинграде начались выборы в совет. Вчера во дворе Урицкого состоялось общегородское собрание советской интеллигенции...

Путь творческой энергии советской интеллигенции, — говорит в обращении собрания, — превратится в великие дела на заводах, в школах, в лабораториях...

Академики, писатели, ученые, врачи, артисты, инженеры, учителя, композиторы, переключившие Дворец Урицкого, послали приветственную телеграмму тов. Сталину.

боли дни, глухие дни печали, как в несметных шестнях шли люди...

Городу нашему отдал он много сил, городу нашему указал он путь дальнейшего роста, он убрал его новыми зданиями и улицами...

Живо в Кирове простое величие героя, присущее городу, в котором он работал. И когда он шел пешком по новой улице, проверяя ту или иную деталь строительства...

Сейчас собирают в городе в Совет Ленинградский лучших людей. В число избранных войдут также другие граждане и писатели.

Писатель, избранный депутатом и невольничаванный как культурная сила, — это невозможный случай в процессе того культурного роста...

Две работы, мне кажется, особо должны привлечь внимание депутатов-писателей: история Леновета и история города Ленина...

Писатели-депутаты войдут в рабочие колонны Ленинграда, те колонны, о которых сказал товарищ Киров, что «они всегда были не в последних рядах великой борьбы за социалистическую стройку»...

На ведущих фабриках и заводах Москвы активно обсуждается политический наказ новому составу совета. Избратели дают тысячи дополнений к основному наказу...

Ниже мы печатаем выдержки из этих наказов, посвященные вопросам культуры.

ЗАВОД «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»

Увеличить выпуск более дешевой массовой литературы, в частности классиков: Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Увеличить тиражи произведений современных писателей.

ЗАВОД ИМЕНИ ДЗЕРЖИНСКОГО

Увеличить выпуск полных собрания сочинений современных писателей и классиков художественной литературы.

ЗАВОД «КРАСНЫЙ БОГАТЫРЬ»

Расширить библиотеку и увеличить ассортимент книг.

В НАКАЗ ЛЕНИНГРАДСКОМУ СОВЕТУ

Пролетарии города Ленина на выборах избрания единолично голосуют за наказ, рекомендуемый Ленинградским комитетом партии и одобренный на собраниях рабочих и рабочих заводов...

крыть в Москве ряд кинотеатров для детей. — Большие выпуски специальных кинокартин для детей.

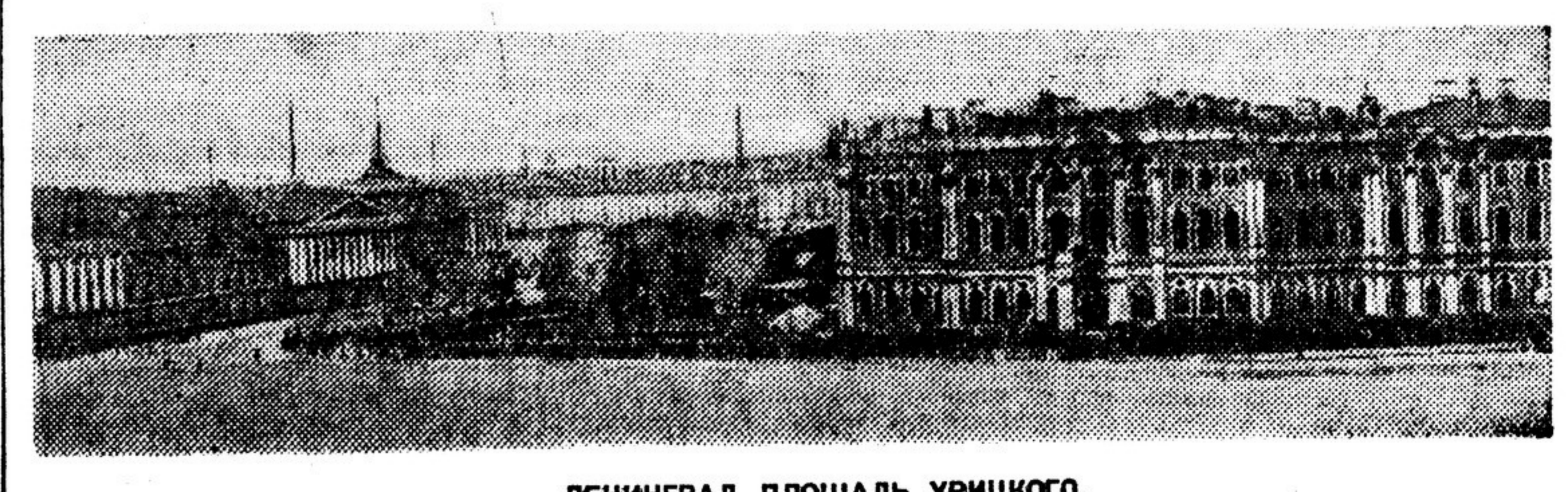
ТОРМОЗНОЙ ЗАВОД — По образцу Ленинграда построить в Москве лекторий, где бы по доступной цене рабочий мог слушать лекции.

ФАБРИКА МОСКВОШВЕИ № 3 — Увеличить выпуск классической и переводной иностранной литературы.

ЗАВОД «БОРЕЦ» — Улучшить обслуживание детей утренниками — кофейными, спектаклями и кино.

ЗАВОД «КАЛИБР» — Улучшить выпуск художественной литературы.

МОСКОВСКИЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ СВЯЗИ — Организовать публичную библиотеку в Фрунзенском районе.

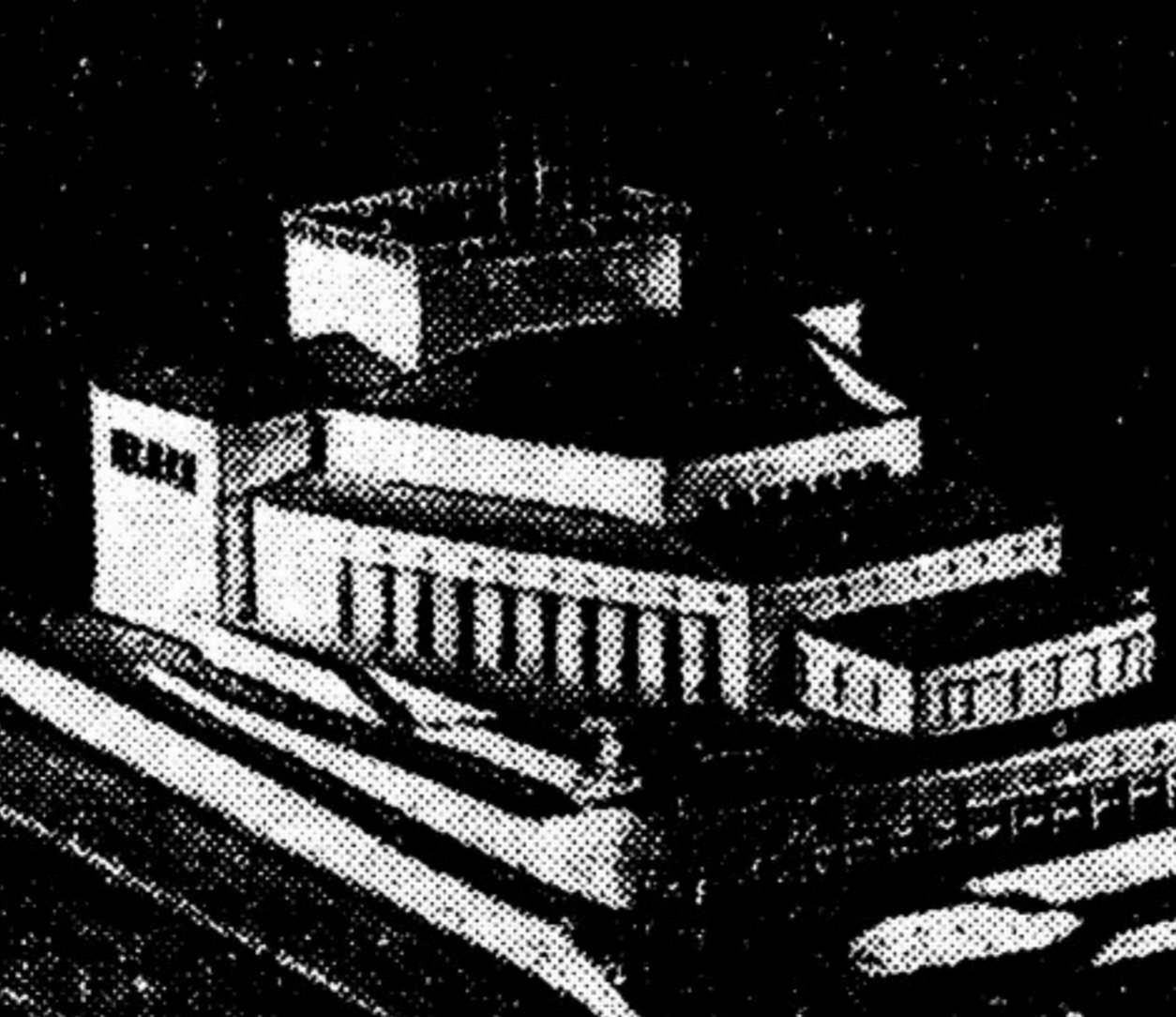

ЛЕНИНГРАД, ПЛОЩАДЬ УРИЦКОГО.

По Советскому Союзу

К ЮБИЛЕЮ ЧЕХОВА

НОВОРОССИЙСК (наш корр.). Опорная литературная группа в Новороссийске начала деятельную подготовку к 75-летию годовщины со дня рождения А. П. Чехова.

В ИВАНОВЕ строится театр на 2500 зрителей по проекту архитектора ВЛАСОВА. На снимке: проект строящегося театра.

ЦК КП(б) У ЛИТЕРАТУРЕ

МИНСК (наш корр.). ЦК КП(б) У вынесено постановление о литературе. В постановлении дается ряд практических указаний о дальнейшей работе ЦК КП(б) У.

Указываются, что лучшие образцы белорусской литературы недостаточны популяризованы по всему Союзу, и нужно более продуктивно развивать переводную работу...

ПИСАТЕЛИ КРЫМА К ПЛЕНУМУ ССП

СИМФЕРОПОЛЬ (наш корр.). Началась подготовка к предстоящему пленуму ССП. В декабре и январе организуется ряд литературно-критических вечеров...

ВСЕБЕЛОРУССКИЙ СЪЕЗД СЕЛЬКОРОВ

МИНСК (наш корр.). ЦК КП(б) У вынес решение созвать на 25 декабря всебелорусский съезд селькоров.

ОБЛАСТНОЕ СОВЕЩАНИЕ КРИТИКОВ

СМОЛЕНСК (наш корр.). В порядке подготовки к предстоящему пленуму управления Союза советских писателей, Союз писателей Западной области совместно с кафедрой литературы Смоленского педагогического института созывает в начале января областное совещание критиков.

ИСТОРИЯ КАМЫ

ПЕРМЬ (наш корр.). Полгодие Камского бассейна поставил перед областной редакцией «История заводского» вопрос о создании истории Камы.

М. ГОРЬКИЙ В 1891 ГОДУ

РОСТОВ-ДОН (наш корр.). Азово-Черноморское книгоиздательство выпустило 1-й том «Известия Ростовского педагогического института».

В ПОИСКАХ ХЛЕБА НАСУЩНОГО

Характерная черта персидской литературы последних лет — мрачный, тяжелейший пессимизм. Аббас Халиди устами своих героев провозглашает, что в этом мире лучше жить слепым, еще лучше быть к тому же еще и глухим и немым, а лучше всего — не жить совсем. Салик Хизмет ведет нас в неквадратическую болоньку, в бреду сумасшедшего стараясь укрыться от гнетущей тоски.

Большинство авторов, однако, не старается показать источники этой глухой тоски, ограничиваясь тщательным выписыванием деталей психологии своих персонажей сомнениями героев.

Позтому большой интерес приобретает трилогия молодого писателя М. Дихати (Мухаммед Масуд), незаметно появляющаяся в печати и в короткий срок выдержавшая уже три издания (впервые в Персии крайне редко). Критикой эта книга была встречена крайне сочувственно: «Лучшая книга о Персии», «Современная жизнь от пыльной скамьи до трактирного стола, от угла своего дома до залы ресторана», «Вопль угнетенных, дух которых задушен неаправильной системой воспитания и образования», — вот некоторые из отзывов персидской критики.

В самом деле. Дихати в противоположность большинству других современных писателей не ограничился сужением на табуированную жизнь и абстрактной лематикой, а попытка показать эту жизнь во всей ее наготе и вскрыть причины, вызывающие такое подавленное настроение молодежи.

Три книги Дихати, составляющие несомненно на известную самостоятельность одно целое, носят названия: «Ночные забавы», «В поисках хлеба насущного» и «Венец творения». Объединяет их общность главных действующих лиц, которые только в третьей части несколько отступают на второй план и заменяются новыми героями.

Определенной фабулы в произведениях Дихати нет. Мы встречаемся с героями — мелкими чиновниками, приказчиками, набожниками — порою злобного ума низкопробного кабака, где они пытаются на свои скудные средства найти себе развлечение и хоть на время позабить гнетущую нищету.

Сцена сменяет сцену. Связь между ними нет, но всюду все то же — дешевый разврат, грязь и убийство. И постепенно из обрывков разговоров, из случайно брошенных замечаний начинают складываться биографии героев. Приподнимается уголок занавеса, и мы видим, что не какие-нибудь «порочные наклонности» тянут их в это болото. Виной всему — нищета, отсутствие семьи, невозможность получить культурное образование.

Чрезвычайно характерен эпизод, когда главное действующее лицо, сам рассказчик, не имеющий в книге имени, в отчаянии берется за свои школьные тетради и сдается найти в них хоть что-нибудь, что могло бы помочь ему в борьбе за место в жизни. Он перелистывает записки по арабской литературе, философии, литературе персидской. Но что такое все это классическая литература? Все эти поэты — «кучка пустословов, фантазеров, чревоугодников, собирателей, людей без убеждений, низких и пошлых». Пресмыкаясь перед одними негодями и, не успев от закрыть и глаз, ползаяч перед его наследниками, ради куска хлеба пролавив свои убеждения — вот все их ремесло и умение. «Заучивать их произведения значит признавать виноватым нашу литературу», — говорит он, — «весь не в рифме и правильности метра в конце концов достоинство поэзии».

Наконец, раздражает назвавшаяся в первом томе катастрофа. Во

второй части — четыре героя уже лишились и той жалкой работы, которая у них была. Начинается хождение по мукам в поисках хоть какой-нибудь заработка. Но на работников, окончивших школу, спрос нет, они не нужны никому. Другая масса многих унижений пристраиваются в мастерскую по ремонту автомашин, где на них ложится самая черная и тяжелая работа, где беспрекословно нужно выносить издевательства начальства, где условия работы напоминают каторжную колонию.

В конце концов и эта последняя соломина обрывается. В Тегеране им больше делать нечего, и они пускаются в деревню, надеясь среди крестьян хоть как-нибудь добыть кусок хлеба. Однако из них это и уаается. Он набрал с собой из города всякого барахла, которое пролетает крестьянам по уездеренным ценам. Другое возмущаются, с их точки зрения это обман, это несправедливо. Оборотный приятель спокойно указывает им, что в конце концов вся торговля в мире — то же самое, только в более крупном масштабе. Один оборачивается на копейки, другой на тысячи, почему же крупный купец не жулик, а я — мерзавец?

Все же принципиальные сомнения их не позволяют применить к такому промыслу. Они проектируют открыть на деревне школу, где обучение грамоте сочеталось бы с изучением ремесла — столярного, кузнечного и т. п. Они возмрут на себя руководство и обучение грамоте, ремесло будут преподавать специалисты.

Однако такой проект деревенского старосты в восторг не приводит.

— Ремесленнику, — говорит он, — грамота не нужна. Учить детей ремеслу — дело хорошее, это нужно, только вот вы-то тут при чем? — Блестящий план срывается, и в конце концов герои начинают свискивать себе пропитание гаданием и писанин талисманов. Правда, они сознают, что тут обман, пожалуй, это еще хуже торговли, но голод не тетка, и перед ним смолкают все протесты их совести.

Попутно в отрывках сценах проходят портреты их близких, знакомых. Им тоже жилось не лучше. Все тот же вопль о работе и то же молчание в ответ. В одной из этих сцен Дихати жает потраченную по реализации картину самоубийства безработного, кончающего свои страдания при помощи жаровни с углями.

В третьей части картина несколько меняется. Она с первого взгляда, пожалуй, еще более бессвязна и случайна, хотя опять-таки и здесь еще видимо гадается нить, связывающая первую сцену с последней. Мы поднимаемся здесь в более высокие круги — перед нами среднее чиновничество, биржевые спекулянты, маклеры, мелкие купцы и т. д. Здесь уже нет той неясной борьбы с голодом, которая проходила перед нашими глазами в двух первых частях. Но здесь картина еще более страшная. Все эти люди — свора шакалов, из-за куска палача готовых перегрызть друг другу горло.

Мощенничество, обман, растрата, мечты об автомобилях, домах, нажитых нечестным образом. И посреди всего этого — женщина, красивая, развратная, зорко высматривающая свою добычу. Рыцари легкого наживы попадают в тюрьмы, сходят с ума, стреляются, а она идет előre всего этого уверенным шагом, с каждой следующей жертвой поднимаясь выше по лестнице буржуазного преуспеяния.

Интересен спор двух героев о преимуществах наших дней перед средневековьем. Один утверждает на разном уровне успеха медицины, больницы, богадельни, детские дома. Разве, наконец, промышленность наших дней не сделала величайших завоеваний? «Да», — отвечает его против-

ник: — машины и организованные на основе науки фабрики хороши, только для кого? Для их владельцев! Для тех, кто ходит словно магнит среди железных опилок и все притягивает к себе! Для тех, кто собрал богатство и имущество, которое должно было бы обратиться среди миллионов людей, и соединил все это в одну кучу! Один стал миллионером, а миллионы зато стали нищими!».

Итак, если средние века губили миллионы людей грубым насилием, кровавыми потоками, то наше время делает то же, только более утонченными, «культурными» способами.

Правда, автор пытается себя утешить. Он говорит, что положение не безнадежно, что труд — создатель всех ценностей в мире. Неужели же действительно нельзя найти работу в стране, где 60 процентов населения центров не имеют крова над головой, где средние классы не могут купить себе в год двух пар платья, где в большей части квартир не найдется и двух ломаных стульев и комнаты голы и безотрачны, как стены тюрьмы. — «Да, труд должен все это создать и произвести, всех сделать богатыми, нужна только организующая сила, которая пустала бы в дело лежащие мертвыми капиталы и вовлекала бы в работу энергию и активность отдельных лиц».

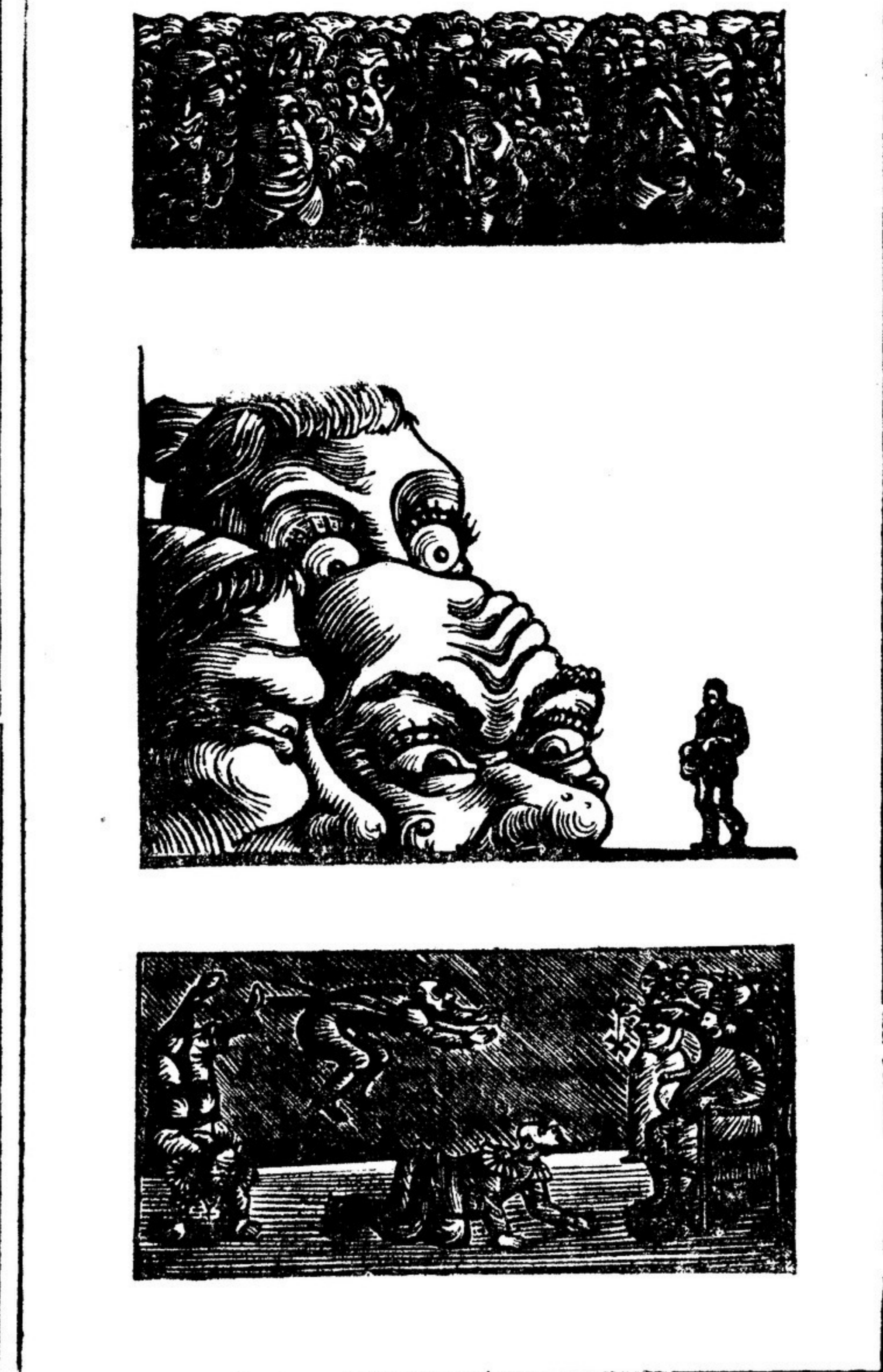
Автор чувствует, что здесь он вступает на опасную почву, и спор на этом внезапно обрывается. Кончается книга мрачной картиной перемены арестантов из городской тюрьмы в рабочий дом, за которой следует такая концовка: «Люди ходят взад и вперед в поисках рай, именуемого свободой, пользуются богатством, воздухом, солнцем, деревьями, водой, ветром, тучами, снегом, дождем, видом неба и просторной землей, представляющей собой колыбель безопасности и покоя под знаменем независимости и свободы. Знают ли люди настоящую цену этого великого драгоценного блага?».

Дихати раскрыл перед читателем настоящие причины «мрачной скорби» своих соотечественников. Среди шутливых сцен, под шум попойки, у журчащего арника в глухой деревне — всюду раздается тот же вопль о работе, люди рвутся из давильни тисков кризиса и проклинают спекулянтов, наживающих себе миллионы на страданиях масс. Правда, выхода он не нашел или просто не рискнул о нем говорить, но с такой убедительностью картины современной Персии еще не показывал никто.

Отметить нужно еще исключительно прекрасный язык, сознательное отборивание все уловности феодалогического классицизма и воспроизводящий живую персидскую речь сегодняшнего дня. Автор, видимо, с пользой для себя читал прекрасные «Вьлы и небылицы» Джемальзаза и усвоил себе его ясный язык. Но если Джемальзаза направил свои стрелы на отживающую старую Персию и показал только смешные ее стороны, то Дихати стоит посреди Персии наших дней. Умея рассмеяться читателя ярким юмором отдельных страниц, он нежно спускает свой взгляд на душу с величайшей трагедией и в минуты самого сильного патетического напряжения умеет воздержаться от фальшивой мелодраматизации.

Правда, не нужно думать, что книга идеологически целостна до конца. В ней много противоречий, много странных заблуждений. Она спутана, как спутались мысли у растерявшегося мелкого буржуа, но при всех своих недостатках — это первое произведение, которое посмело хотя бы частично обнять больные места, и потому персидскую литературу нужно поздравить со значительной победой, открывающей перед писателями молодого Ирана новые перспективы.

К. НОУШЕХРИ.

В украинском издательстве «РАДЯНСКА ЛІТЕРАТУРА» выходит «ПУТЕШЕСТВИЕ ГУЛЛИВЕРА» Дж. СВИФТА. Перевод с последнего английского издания осуществлен на украинском языке Н. ИВАНОВА. Книга иллюстрирована рисунками на дереве украинских графиков БЛАНКА и ФРАДИНА. Гравюры были в свое время выставлены на выставке советской графики и рисунка в Лондоне.

ПИРАНDELЛО И ЕГО „ШЕСТЬ ПЕРСОНАЖЕЙ“

Присуждение Лундши Пиранделло Нобелевской премии встретило довольно холодный прием в мировой прессе. По общему мнению, выбор пал не на самую достойную кандидатуру. В особенности обижены американцами. Американская «Variety» пишет по этому поводу: «Хотя в решении комитета о присуждении Нобелевской премии Лундши Пиранделло ни словом не упоминается о постановке его пьес в Америке, но мы должны отметить, что в значительной мере этот автор, в 55 лет назавед режиссер Брок Бертон выдвинул Пиранделло, поставив его пьесу «Шесть персонажей в поисках автора». Пьеса провалилась, но автору было сожалею не так».

Газета указывает, что такая же судьба постигла и другие пьесы Пиранделло, ставшие в течение 15 лет в Америке. Только одна пьеса, «Бони вы хотите меня», поставленная в 1931 г., имела успех.

Так же холодно отнеслась к награждению Пиранделло австрийская «Die Bühne». Некоторый интерес представляют приводимые редакцией выдержки из высказываний Пиранделло по поводу его пьесы «Шесть персонажей в поисках автора».

«Я видел перед собой, — говорит Пиранделло, — мужчину лет 60 с мрачным лицом и тусклыми от подавленных желаний глазами. Белую майку в темной вольтовой одежде, державшую за руку девочку, лет 4 и мальчишку лет 10. Держав, равно сдерживая лопуху, также одетую в черное, но с вышивавшей и двумя-

сленной роскошью. Она была исполнена нежности и пререняя и похотливому старику, увязавшему в воде нес, и в молодому человеку, сторонящемуся всех и замыкнувшись в себе. Короче говоря, я видел перед собой всех тех, кто появляется на сцене в моей пьесе. Сначала один, потом другой, а иногда, перебивая друг друга, они начинали рассказывать мне о своей грустной судьбе. Они старались свалить мне на голову все свои беды и несчастья, но как они это делают в пьесе с театральными директорами...»

«Они поливали меня. Я хотел избавиться от них — и не мог. Они жили собственной жизнью и то и дело наезжали на меня и требовали, чтобы я бесновал с ними, придумывая все новые сцены. Внезапно у меня мелькнула мысль и я увидел способ, как от них избавиться. Я отправил их туда, куда обычно идут драматургические персонажи, чтобы претвориться в жизнь — на сцену... Притворность положения заключалась в том, что я вызвал их к жизни, но отнял у них цель жизни, заставив лишь безуспешно разыскивать своего автора. Подучилась смесь трагического и комического, фантазии и действительности. Этого я и хотел. Я хотел показать на сцене органическую хаоса свое не должно быть театральным, оно должно быть романтическим...»

Эти любознательные высказывания Пиранделло вводят нас в «лабораторию творчества» буржуазного художника современности.

Б. СЕН.

Скованный талант

Как и все, что писал Подъячев, книга его «Моя жизнь», представляющая собой его художественную биографию, начинающуюся «первыми впечатлениями бытия» и доведенную до самых последних лет, отмечена отличными его чертами правдивости, социальной насыщенности, изобразительной силой, мрачным тоном и крайней неровностью общего выполнения. Не нельзя назвать ни завершенным художественным произведением, ни сырым. Это подуфабрикат и притом не только по результатам, но и по авторскому заданию. Проникновение своей книги Подъячев характеризует в высшей степени просто: «На старости лет оглянулся на свою прошлую жизнь и, «не мудрствуя лукаво», записал ее так, как она прошла за долгие-долгие годы».

Записал Подъячев неровно. Как обычно у Подъячева, выдержки до конца у него нехватало: первая часть и в смысле отдачи, и в смысле композиционного резко отличается от двух последующих, окоманных и написанных уже наскоро. Даже хронологически эти две последние части сбиваются: то и дело автор не только забывает вперед, но и обрывается к пройденным в книге этапам, вставляет в повествование целые куски из своих старых балетистических произведений и т. д.

И если, тем не менее, книга эта читается с неслабевающим интересом, то это потому, что, во-первых, ее значительные недостатки искупаются грубой, но захватывающей силой изобразительного мастерства, а, во-вторых, трудно оторваться от этой книги как от бесшального человеческого документа, от картины трагической жизни ее автора.

Если говорить о той части этой картины, где изображена судьба Подъячева как писателя, то придется признать, что сам он и не подозревал всей ее трагичности. Правда, в конце книги он вскользь замечает: «Короче и трудно поднималось, росло на грубой почве мое писательское искусство. Немало прошло лет, пока, наконец, стало греть его солнце стало больше греть, теперь уже, улы, оставившие соя... Но, как ни грустно звучит это замечание, дело обстояло гораздо хуже, чем это представляла себе Подъячев».

Еще не так давно из критических отзывов о том или ином произведении было изгнано само упоминание о талантливости или бедности его автора как о моменте «биологическом», якобы противоявном социологическому и даже исключавшем последний. В известной степени это была реакция на тенденцию все относить за счет «дара богов», отягачившую определенными представлениями буржуазного литературоведения.

Писательский труд Подъячева с одинаковой силой опровергает обе эти теории: как пренебрегающую природной одаренностью писателя, так и приписывающую ей монопольное значение.

Дело в том, что все созданное Подъячевым — весь этот добрый легион серьезных и значительных работ — создано исключительно одной, но исключительной дарованностью. Выматываясь из одежд писателя, не оставляет в этом ни малейших сомнений.

Автору настоящей рецензии пришлось лет десять назад проследить творческий и жизненный путь Подъячева по богатым материалам архива Короленько. Из многочисленных писем Подъячева, которые мне пришлось пользоваться, и из других материалов ясно видно, что даже самые крупные свои вещи, вокруг которых в тогдашней прессе подымалась большая шум, как «Митраство», «По этапу», «Среди рабочих» и др., Подъячев писал тор-

С. Подъячев, «Моя жизнь», «Советская литература», 1934, стр. 368, п. 5 руб.

пливо, не подвергая их тщательной отделе, что нередко работа его над этими произведениями протекала вообще в крайне суровой бытовом обстановке, нередко прерывавась вторичными неблагоприятными экстренными обстоятельствами, из которых не последнюю роль играли припадки жестокого запоя, о чем в книге «Моя жизнь» Подъячев упоминает с обычными для него горьким бесстрашием и самообличением.

Природная одаренность Подъячева должна была быть очень велика, если при всех отрицательных влияниях она — и только она одна — создавала все-таки значительные вещи.

Но это лишь одна сторона дела. Другая (и не менее важная) заключается в том, что та же писательская судьба Подъячева является живой и яркой иллюстрацией к положению, что талант сам по себе есть только руда, из которой труд и культура добывают металл весьма различных качеств — в зависимости от того, сколько на это затрачено энергии и упорства. Не подлежит ни малейшему сомнению, что творческое наследие Подъячева неизмеримо беднее того, чем оно могло бы быть, если бы Подъячев получил систематическое образование, если бы талант его подвергся культуре культурной обработке, если бы свои вещи он писал не урывками и кое-как, если бы он упорно над ними трудился.

Как почти у всякого подлинно одаренного человека, у Подъячева было весьма критическое отношение к тому, что он писал. В его письмах к Короленько мы то и дело встречаем такие замечания: «Наливал я раскаяние, писал, прощай, и являлся как-то несчастливым... тоска какая-то... досада, все так слабо, мелко и неуверенно... Прислал я второй том. Помогите, и ей-богу, читать не могу. Советую чего-то. Люди хвалят, а мне неприятно, и когда спросит: «Что вы пишете теперь?» — готов провалиться в тартагары». А получив от Короленько выреку из газеты с одобрительным отзывом о своих произведениях, Подъячев выразительно замечает: «Вот уж действительно не дерма конфетка сделала... Зачем все это? Правда ли?».

Подобного же рода самокритика мы находим не раз и на страницах рецензий и отзывов. Подъячев в одном из случаев в письме к себе делает и нужные выводы из самокритики: «Неужели мне давалось все прекрасно! Нет! Мне говорили, что у меня талант. Пусть так. Но одного таланта мало. Надо еще большое терпение, настойчивость и много (о, много!) труда, чтобы нести имя писателя. Надо пройти суровую школу самообразования и умения наблюдать людей и вкладывать в их душу. Да еще не мешало бы поменьше самолюбивости, бахвальства, думая, что «эва, какой я умишка, как хорошо пишу» и т. п. Самому себя хвалять нечего, надо добиться, чтобы другие хвалили».

Итак, был крупный талант, был острый самокритик, но этого оказалось недостатком. Тяжкие социальные условия, в которые своим проклятием поставлен был Подъячев, и отсутствие упорства в его характере, отсутствие твердой воли привели к тому, что Подъячев махнул рукой на свое дарование. А в результате — неровное, порой хаотическое творчество, яркое вспышки которого освещают как-то больше, но безобразно утраченные возможности... Именно в этом — главная и глубоко печальная поучительность книги «Моя жизнь» и главный ее интерес для наших дней.

Книга Подъячева вышла без чужей бы то ни было редакцией, и это большая ошибка со стороны выпустившего ее издательства. Здесь совершенно необходимо были бы замечания, в которых надлежало указать, где и когда печатались упоминаемые в ней вещи, внести в них случаи исправлений в сообщаемые автором по памяти факты и т. д.

А. ДЕРМАН.

О КЛАССИКАХ И ИХ АДВОКАТАХ

Один из ораторов, выступавших на всесоюзном поэтическом совещании, высказывал такую мысль: материя, ругая, которую обильно расточают доверчивые и наивные пушкинские «бориса Годуновы», представляет собой не что иное, как оскобок форму замятого потомством против существующего строя; прямо встать перед этим дворцом и вырвать из него Пушкина, да, не решаясь: боязно было; оставалось одно — вложить эти невнятные ругательства в уста Маржерета и Розена.

Аудитория встретила выступление означенного оратора дружным и продолжительным смехом. И оно в самом деле было только смешно, если бы представляло собой не более как игру остроумия и остроумия и оригинальности ума. К сожалению, дело тут в одной остроте и ослеплении и оригинальности. Столь тонкая итерпретация маржеретовской и розеновской материи, столь упорное и неодолимое стремление видеть в каждом слове Пушкина и в каждом жесте пушкинских героев непременно разрушение устоев имеет под собой основание более глубокое: речь идет в конечном счете о преле Пушкина на задание нашего современника, о том, достаточно ли он достоин пушкинского наследия того, чтобы считать его активно-действующим началом нашей борьбы на литературном фронте.

Опыт-таки: эта попытка поставить во главу угла иронизирующий пушкинский наследия с точки зрения современности вопрос о том, более или менее густо было окрошено теми же радикальными пушкинскими отношениями к действительности, была бы только навязчивой идеей, если бы она оставалась только делом личной совести нашего оратора. К сожалению, и это не так. Здесь лишь доведена до своего логического предела тенденция, пользующаяся в наших историко-литературных кругах чрезвычайно широким распространением. Работы, авторы которых усматривают в примативнейшей политической реализации того или иного художника прошлого естественнейший и кратчайший путь приобретения его к художественному опортунизму современности, следуя за нас самое широкое распро-

странение, в применении к Пушкину эта тенденция проявилась в наиболее колючих и уродливых формах, то это облекается по преимуществу лишь большей сопротивляемостью пушкинского материала подобному рода насилию. Но в большей или меньшей степени пребывали ее жертвами решительно все классики.

Примеров можно не счесть. О Тютчеве — художнике замкнутом спиритуалистического типа, соратнике славянофилов, последовательном апологете феодалогического России Николая I. Если порою и становился в оппозицию к ней, то во всяком случае — в оппозицию сирова, опирающуюся на идеологические нормы партийно-поместного уклада, — и о нем было уже сказано, что реакционность его выдвигала, а что по сути дела он, Тютчев, есть не что иное, как провинциальный и реактивный катализатор наших дней. Куда же тут дальше.

Добро бы речь шла об объективном революционизировании значения творчества того или иного художника. Вопрос этот весьма сложный и ответственный. Когда о том же Тютчеве, например, исследователь пишет что «все свои содства выразительности, все свое творческое возмущение, весь темперамент художника Тютчева, сам того, вероятно, не сознавая, вкладывает в перелату музыкальной бунтующей волны, то это как раз является примером отсутствия требующей осторожности. Когда выясняется, что не где-либо, а именно у Тютчева, и именно в одном из реакционнейших его стихотворений, в котором бурное море революционного Запада противопоставляется недвижимо русскому утесу, «спереди» зазвучала подлинная музыка революции — какое раздувание всяких сравнительных промад стародавнего мира, то подобное суждение воспринимается не более как парадокс. Заметим в скобках, что соразмерный этому парадоксом исследователем когда-то сам неплохо спорил с тем, кто видел в Тютчеве путь ли не прелуде Октября.

Но в иных случаях этот путь оказывается бесплодным. Обширно говорить о разрыве между миро-

зрением и творческим методом художника, — подробнее об этом уже сказано, — но о несомненности его субъективных намерений и объективных результатов его творчества вклада говорить бывает необходимо. И недоценок этого несомнения может привести к совершенно ложным выводам. Классические и оставшиеся классическими, несмотря на всю свою затрещанность, примеры — в эллиноэпопеической литературе — Бальзак, в русской — Гоголь.

Однако иные товарищи чашею идут гораздо дальше. Одна товарищ писал, например, о Чехове. Писал в общем верно и убедительно — о том, что нельзя признавать за подлинное Чехова его бравоуличный портрет, о том, что чеховский показ чужды и безысходности русского интеллигентского быта в представлении Чехова обозначал разоблачение этого быта и его основ. На этом бы и остановиться: все было бы в порядке. Но означенному товарищу этого кажется мало. И вот Чехов превращается в «материал», в «революционное настроение скелетика».

Правда, не во всех специалистах по реабилитации хватает подобной репутационно-настроений оккупации, и тогда. Менее репутационные действуют по методу адвокатов: искренне желая выгородить своего полаганного, но не имея для этого достаточных реальных оснований.

Ишет человек о Достоевском. И все его помыслы держатся на том, чтобы всемерно смягчить, притупить, акцентировать основные элементы идеологической практики Достоевского, те, которые делают его гениальнейшим художником реакции, являющимся неослабеваемым источником всей позднейшей идеологической самообороны гибнущих классов. И, наоборот, — всячески раздувать, возвышать то, что может быть использовано как отход от этих обязательных позиций, как колебание влево.

Премьенное приближение Достоевского к идеологическому лагерю, временное возвышение старых, давно порванных связей с радикальной литературной общественностью, временное охлаждение отношения с прежними друзьями типа Майкова

или Стравоза — вот на чем фиксируется внимание аудитория. О какой-то трещине одно время в мировоззрении Достоевского говорить можно было и следует. Но абсолютно неправомерно рисовать дело так, что от всего мировоззрения одна только трещина и осталась.

Подтверждаем еще раз: не парадоксальность всех этих выводов сама по себе привлекает наше внимание. Право на собственную точку зрения, самостоятельное право каждого исследователя, и не об этом здесь речь: идет, разумеется, речь. Речь идет о другом: о степени правотности того общего положения, которое никак до сих пор не было ясно показано, по которому отчитывало вышло за всеми вышеприведенными высказываниями. — Положение о том, что степенью политического радикализма от общественных идеологических доктрин художника прошлого должна определяться оценка его для современности.

Верно ли это положение? Имеем смелость высказать предположение, что, наверно, что не сомнительное проявление Тютчева, заставив нас помнить о Тютчеве, что не своим омигательными колебаниями в сторону интересов ли не Достоевского, и что являем и переживаем Чехова мы не ради его омигательного революционного скелетика.

Такого рода метод актуализации прошлого чрезвычайно характерен для буржуазной историко-литературной науки. Исследовательская практика Волынского и Алехина, Мерзляковского и Гершензона основана преимущественно в том, что великие художники прошлого щедро вылавливаются идеологическими категориями, глубоко объективными самим помещенными исследователями. В результате получаются, что те же Тютчев, Достоевский, Чехов, все они оказываются в той или иной мере частными философскими и эстетическими исканиями правого ярида последних поколений русской буржуазной интеллигенции.

Работа эта увенчивается двойным успехом: прежде всего философские и эстетические нормы саклы Волынского, Алехина, Мерзляковского и Гершензона получают достойную гегелью, осмысливая авторитетом

великих имен прошлого. Тем самым расширяется возможность популярности исповедуемого поименованным исследователями мироощереания, и это было, собственно говоря, важнейшее. Роль, которую могли сыграть также агитаторы, как Тютчев, Достоевский, Чехов, трудно было не оценить.

Те наши литературоведы, которые опираются на реализаторскую работу, представляют себе смысл и содержание борьбы с буржуазной легендой о классиках, очевидно, следующим образом: буржуазная наука оставила нам галерею образов Тютчева, Достоевского, Чехова, созданных буржуазными исследователями по своему образу и подобию; им мы должны противопоставить свои образы этих художников, создав их по своему образу и подобию; для них важно было, чтобы Тютчев, Достоевский, Чехов выглядели достойными гостями в высшей революционной банши, для нас важно, чтобы они выглядели полномочными членами профессора. Все такое расуждение реализаторская работа этих товарищей просто-напросто не понимает.

Но при всей частоте и искренности своих намерений эти товарищи забывают одно очень существенное обстоятельство: что исходные установки нашей борьбы за литературное наследие художника отличаются от тех, на которых исходила буржуазная литературная историография. Да, нам было, чем кому бы то ни было, хуже проследить исторический «объективизм». Да, мы изучаем литературное прошлое не на каких-либо платонических побуждений, не во имя отыскания некоей абстрактной исторической истины. Но и отнюдь не для того, чтобы ослепить авторитетом великих имен прошлого нашу буржуазную практику в настоящем, — в этом нам нет вышестоящей никакой нужды. И еще менее — для того, чтобы путем фальсификации фактов прошлого как-то расширить возможности пропаганды наших идеологических норм: эти возможности у нас и без того достаточно широки.

Мы изучаем наше литературное прошлое для того, чтобы овладеть художественным опытом минувших поколений и чтобы применить то, что окажется для нас пригодным в этом опыте для нашего строительства в области художественной культуры. Отсюда мы и должны выходить в своих попытках определения

ценности и значительности Тютчева, Достоевского, Чехова для нашей эпохи, а не на основании или меньшего количества радикальных ноток в их умопостроениях. И Тютчев, и Достоевский, и Чехов — для нас прежде всего гениальные художники, носители той истинно-революционной, объективной сущности, об отходе от которого Ленин говорил, как о «сопловой, оплошной бессмыслице».

Нам возражат: отало быть, — отрыв метода от мироощереания, призыв к учебе у идейно-враждебных художников? Возражения не такие страшные, как может это показаться на первый взгляд. Прежде всего, эти возражения основаны на полнейшей неадекватности как раз и заключаются в том, что как бы ни было реакционно мироощереание гениального художника в целом, оно не может не заключать в себе каких-то прогрессивных элементов.

Эта истина прекрасно проявилась в статьях Ленина о Толстом. Не надо толковать Ленина ложно, как делали в последнее время некоторые товарищи, поспешившие начать теоретизировать на этот счет, не разобравшись, как следует, в ленинских указаниях. Не надо рисковать тем, что, мол, по Ленину Толстой вопреки своим общественным идеалам и намерениям оказался гениальным художником. Такое толкование ленинской концепции как раз объективно оправдывает отрыв творческого метода художника от его мироощереания и ведет в конечном счете к ошибкам механистического порядка.

Так Ленин вопрос никогда не ставил. Наоборот, он самый творчески перед Толстым рассматривал в его органической связи с переделом идеологическим: «Толстой вынул преисходно древнерусскую Россию, был помещиком и крестьянином. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы. Острая лопма всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, изучила его гитерею, а происходящему вокруг него, привела к переделу всего его мироощереания. По решению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей пошлости этой среды и в своих последних произведениях обрушился с страст-

ной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на лживости и лицемерии, которые свертку до низу противостоят всю современную жизнь» (подчеркнуто воздум нами И. С.).

Так что менее всего ампелиция в ленинском высказывании может оправдывать ту внешнею, левую, трагизацию идеологического момента в художественном творчестве, к которой волею или неволею пригоняют исследователи, обобщающие гениальность Толстого тем, что художник, мастер воплотил, якобы, в нем в конфликт с идеологом.

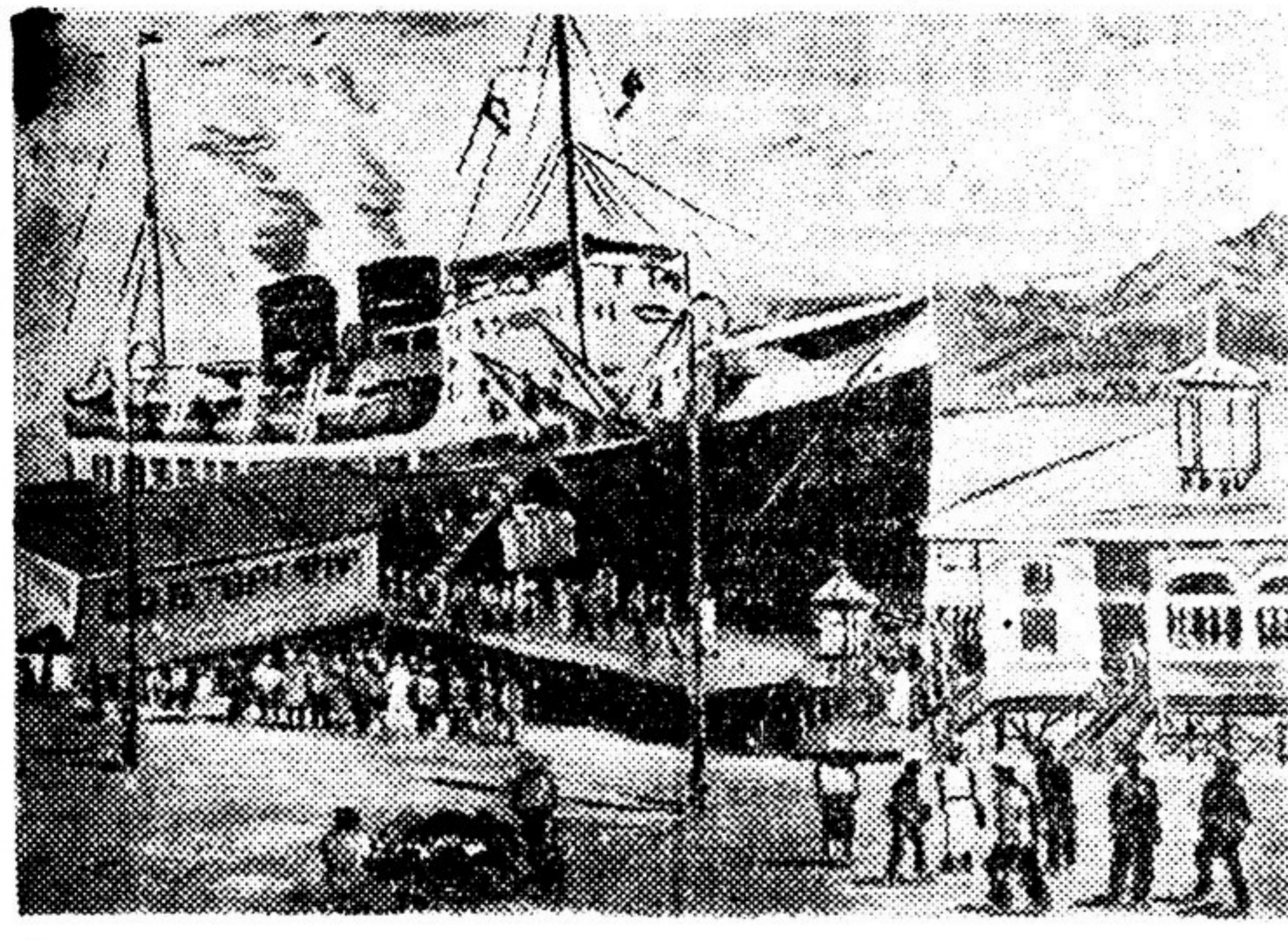
Дело не в этом личном конфликте, а в том, что как гениальность должна Толстой объективно выразить в своем мироощереании — в тем самым и в своем творчестве — не только способность и ограниченность идей и настроений революционного эпохи буржуазной революции, но и их силу и мощь; что как идеолог, а тем самым и как художник, Толстой не только «плакал и молился, реверировал и метался», но и был организмом протестом, страстным обличителем, волевым критиком.

Таким образом утверждение необходимости осознания творческого опыта художников, хотя бы и реакционных в целом, — о реакционности Толстого в целом Ленин говорит совершенно ясно, — вовсе не обозначает отрыва метода от мироощереания и не ослепляет в себе ничего ужасного.

Ленин писал, что «противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против наживавшегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть положен патриархальной русской деревней».

Тем менее законно подходить к критериям нашего дня к оценке общественных идеологических Пушкина. И уже совсем невозможно пытаться прибегать к фальсификации Пушкина, чтобы придать какую-то видимость законности подобному подходу.

И. СЕРГЕВСКИЙ.

В клубе им. Аввакума на днях открылась персональная выставка художника Ф. С. БОГОРОДСКОГО.

ПАМЯТИ КИРОВА

Гослитиздатом слан в печать и будет выпущен к концу декабря сборник «Кирову — писателю».

КНИГИ ПУШКИНА И О ПУШКИНЕ

В Гослитиздате вышел четвертый том из серии «Пушкин».

СЛОВАРЬ ПО КНИГОВЕДЕНИЮ

Социалгиз выпустил последнюю III часть «Словарного указателя по книговедению».

В нем мы находим персональную библиографию о русских цензурных (360 имен) и материалы в словарях: «Энциклопедический», «Местный», «Областной», «Писателей», «Ученых», «Профессоров» и т. д.

Сособой полнотой и тщательностью развоработано слово «читатель».

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ЧЕХОВА

В связи с приближающимся 75-летием со дня рождения А. П. Чехова в Доме советского писателя состоится 18 декабря большой вечер, посвященный памяти Чехова.

Творческий отчет А. Глебова

В декабре исполняется 15 лет драматургической деятельности Анатолия Глебова.

„Эстетика“ итальянского фашизма

Из всех существующих разновидностей фашизма итальянский фашизм имеет наибольший опыт борьбы за свою эстетическую «теорию».

Доклад Т. Ю. Колпинского в Ком. академии (10 декабря) в какой-то степени восполняет этот пробел.

Первое время своего существования итальянский фашизм базировался в сфере эстетической и художественной практики на футуризме.

Но вот власть завоевана. Наступает период временной стабилизации капитализма, а с ней — и период отхода от левой фразы.

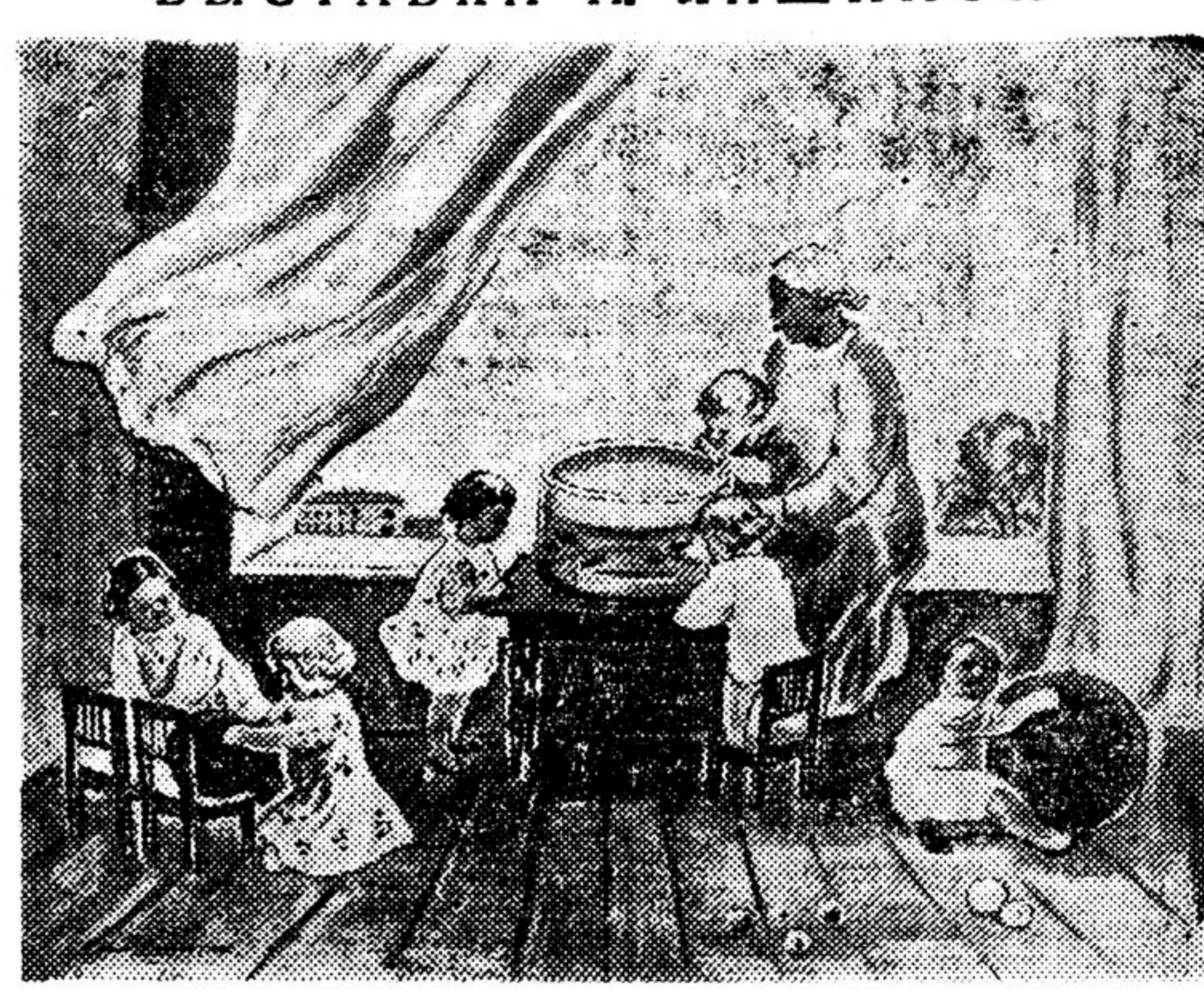
С одной стороны, открытые союзы с церковью, переход на воинствующие антинаучные позиции и, с другой стороны — расцвет фразеологии об эпохе великой «коллективистичности», «человечности» искусства.

Поддержка обстоятельному анализу теории фашистских эстетов последней формации, Т. Колпинский вскрывает всю несостоятельность этих теорий.

Обыкновенная эстрада. Артист полагается на эстраде и садится в кресло так, как если бы он находился в компании дружески общающихся людей.

В обсуждении доклада приняли участие: Г. Лукач, Е. Успенский, К. Менов, М. Лифшиц и др.

ДЕЛЬМАН.

На днях в клубе Октябрьской революции (Комсомольская пл.) открылась персональная выставка работ молодой художницы Н. Кашиной.

МАСТЕР ХУДОЖЕСТВЕННОГО СКАЗА

В Доме культуры советской Армении выступил один из даровитых актеров армянского сцены Суриц Кочарян.

Обыкновенная эстрада. Артист полагается на эстраде и садится в кресло так, как если бы он находился в компании дружески общающихся людей.

Суриц Кочарян доказывает всем своим мастерским исполнением, что художественный сказ имеет все права на звание особого жанра.

Суриц Кочарян «театрализует» — он играет определенное лицо там, где он выступает по ходу рассказа.

В работе над сказом у Сурица Кочаряна видна основательность и всесторонняя продуманность.

Перед художественным сказом большая перспектива. Он чрезвычайно демократичен по своему происхождению.

Г. Т.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Создать в г. Кирове литературный музей им. Салтыкова-Щедрина

В г. Кирове, на ул. Ленина, стоит небольшая деревянная домишка Кочаряна.

И только небольшая мраморная дощечка проливает свет на историю домика.

«Здесь жил, находившись в ссылке, писатель-сатирик Салтыков (Щедрин) в 1848—1856 гг.»

И кроме мраморной дощечки, да одной библиотеки, названной именем Салтыкова-Щедрина, Киров не имеет никаких памятников о Щедрина.

Создать более чем своевременно следует вопрос об организации в Кирове литературного музея им. Салтыкова-Щедрина.

Это предложение мы вносим в наш новый состав Кировского горсовета. Надеемся, что нас поддержат избиратели и горком партии.

Невыполненное распоряжение

В целях борьбы с превышением цен на книги Главлит издал специальное распоряжение.

★ 14 декабря в Центральном кабинете рабочего автора Профзащита (Солянка, 12, Дворец труда, ком. 269) состоялся доклад проф. Л. Тимофеева на тему «Горьковский путь В. И. Боровосова». Начало в 19 ч. Вход свободный.

ИЗВЕЩЕНИЯ

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

★ 15 декабря, в 12 ч., при правлении СССР СССР (ул. Воробьевского, 52) состоится заседание методического семинара.

КОЛХОЗНО-СОВХОЗНАЯ ВЫСТАВКА

Весной этого года группа художников: Богданов, Вогман, Лугинский, Рудakov, Сретский, Стеньшинский, Стеньшинская по командировке союзных Наркомзема и Наркомсовхозов отправились в совхозы и колхозы Средней Волги.

На наших снимках: М. Вогман — колхозница у репродуктора, Стеньшинский — кормежка свиней.

УБИТЫЙ СПРОС

В среднем приходится 500 писем в день.

Их «неорганизованный» читатель — колхозник и сельский интеллигент — не получает.

Таков сущный «почтовый оборот» организации, называемой «Книга-почтой».

Промышленный спрос на книгу в нашей стране не в состоянии полностью удовлетворить широкая сеть книжных магазинов и киосков.

В ближайшем времени решено при издательстве организовать художественный совет с участием представителей графического сектора Московского союза советских художников.

В Советском союзе есть 25 000 почтовых отделений. И примерно на 25 000 пунктов почта приносит заказы на книги.

За первую половину этого года «Книга-почтой» выполнила 76 000 заказов. Назначенным платежом было отправлено 350 000 книг.

Из Москвы отправлялись книги по почте и автомобильным путем, партиями и сельхозкооперативной литературой.

Моды сезона. Большой многокрасочный журнал модов.

Корректора требуются. Журнал «Огонек».

Каждый год мы никому и никогда не высылаем художественной литературы.

Однако, несмотря на «убитый спрос», позавчера почта принесла со всех концов Союза «только» 89 требований на фирменное «Чапанава».

На будущий год намечены десятки переизданий классиков.

Казалось бы, этот читатель должен пользоваться всеми преимуществами.

МОГИЗ, в системе которого находится «Книга-почтой», должен договориться с издательствами о выделении хотя бы 2—3 процентов тиражей художественной литературы.

МОГИЗ, в системе которого находится «Книга-почтой», должен договориться с издательствами о выделении хотя бы 2—3 процентов тиражей художественной литературы.

МОГИЗ, в системе которого находится «Книга-почтой», должен договориться с издательствами о выделении хотя бы 2—3 процентов тиражей художественной литературы.

МОГИЗ, в системе которого находится «Книга-почтой», должен договориться с издательствами о выделении хотя бы 2—3 процентов тиражей художественной литературы.

МОГИЗ, в системе которого находится «Книга-почтой», должен договориться с издательствами о выделении хотя бы 2—3 процентов тиражей художественной литературы.

МОГИЗ, в системе которого находится «Книга-почтой», должен договориться с издательствами о выделении хотя бы 2—3 процентов тиражей художественной литературы.

МОГИЗ, в системе которого находится «Книга-почтой», должен договориться с издательствами о выделении хотя бы 2—3 процентов тиражей художественной литературы.

МОГИЗ, в системе которого находится «Книга-почтой», должен договориться с издательствами о выделении хотя бы 2—3 процентов тиражей художественной литературы.

МОГИЗ, в системе которого находится «Книга-почтой», должен договориться с издательствами о выделении хотя бы 2—3 процентов тиражей художественной литературы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1935 г.

„ОГОНЕК“

Под редакцией Мих. Кольцова. Самый распространенный в СССР ежедекадный массовый иллюстрированный журнал.

В 1935 году «Огонек» будет выходить каждые 10 дней (36 номеров в год).

Подписка на 1935 г. 1 р. 20 к., 6 мес. — 3 р. 60 к., 3 мес. — 1 р. 80 к.

МАССОВЫЙ СЕКТОР. 14 декабря доклад С. Н. Дурылкина «Островский и театр».

РЕЖИССЕРСКАЯ И АКТЕРСКАЯ СЕКЦИИ. 14 декабря доклад режиссера В. А. Тодля.

АКТЕРСКАЯ СЕКЦИЯ. 15 декабря доклад режиссера Э. Б. Лейтера.

РЕЖИССЕРСКАЯ СЕКЦИЯ. 15 декабря доклад режиссера В. А. Тодля.